

Т. В. Алешка

Независимый исследователь

Минск, Беларусь

alechka_t@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СЕМАНТИКА ОРНИТОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В ПОЭЗИИ ВЕНИАМИНА БЛАЖЕННОГО

В статье анализируются образы птиц в поэзии Вениамина Блаженного. Обращается внимание на видовое разнообразие мира пернатых, наиболее частотные образы и их семантику, включение «птичьих» номинаций в заглавия произведений, участие орнитологических образов в формировании метафор и сравнений, раскрытии основных тем творчества поэта. Анализируются взаимоотношения лирического героя с природным миром и некоторые аспекты его самоидентификации.

Ключевые слова: *орнитологические образы; тема; семантика; лирический герой; художественный мир.*

Образы зверей и птиц являются важной составляющей художественного мира Вениамина Блаженного, их он называет ближайшими соседями, побратимами, друзьями и сородичами в мироздании. Он не выделяет людскую судьбу из мира всего живого, не является сторонником монополии человека на внимание Творца, скорее, для него характерна мысль об абсолютном равенстве каждой твари перед Богом.

Образы птиц, являющихся в разных мифопоэтических системах символами божественной сущности, верха, неба, свободы, жизни, вдохновения [12], выглядят вполне естественно в творчестве В. Блаженного с его тяготением к темам надобывденного бытия, справедливости и свободы личности. Кроме часто встречающихся в жизни и в стихах воробья, голубя, синицы, ласточки, вороны, галки, есть в поэзии В. Блаженного и более редкие виды птиц — орел, лунь, иволга, сова, цапля, чиж, щегол, журавль и др¹. Птичье царство дополнено и сказочными существами — это Сирин и Жар-птица². Но гораздо больше просто безымянных птиц, птичьих стай, птичьего пения и щебетания. Достаточно много метафорических выражений с использованием орнитологической составляющей («бескрылая доля» [5, с. 199], «орлиная гора» [5, с. 375], «птичий пароль» [5, с. 346], «крылатый крест» [5, с. 51], «певчий полет» [5, с. 282], «крылатый господний цветок» [5, с. 376]); сравнений («Могильный крест, как птичка у подножья / Вселенского Распятия Христа» [5, с. 132], «Как двенадцать апостолов, птицы взлетали с куста» [5, с. 28], «малые птицы

¹ Всего в поэзии В. Блаженного встречается 27 видов птиц.

² Анализ орнитологических образов произведен на основании шести сборников В. Блаженного 1998–2021 гг.

на светлые нимбы похожи» [5, с. 159], «душа, как сети птицелова, / Волшебным одурманена пером» [5, с. 279], «И он прижимал к себе душу, как голубя в стужу» [5, с. 43]) и др.

Образы, пришедшие из мира птиц, принимают участие в развертывании важнейших тем творчества В. Блаженного. «Птичьи» номинации присутствуют в заглавиях произведений: «Клюю, клюю, воробушек Господнее зерно...», «Господь, Господь, я только птаха малая...», «Я видел, как Христа лобзал распятый голубь...», «Приснился мне щегол, приснилась мне синица...», «Воробышек — посол Христа отважный...» и др. Но даже когда образ птицы занимает небольшую часть текстового пространства, он часто несет значительную смысловую и художественную нагрузку, как, например, в стихотворениях «Прощание с жизнью — прощание с женщиной...», «Было детство безоблачным, грудь украшало цветочком...», «Я числил живыми истлевших до косточки...» и др.

Орнитологическая символика появляется уже в первом из сохранившихся стихотворений Блаженного («Вечный мальчик», 1940):

Мне глупо, мне неловко,
Мне пошло среди людей...
Я — певчая уловка
Далеких лебедей (цит. по: [8]).

Присутствуют орнитологические образы и в одном из самых известных стихотворений В. Блаженного — «Родословная», написанном гораздо позже (1964), где среди характеристик отца, доставшихся в наследство сыну, встречается и такая: «Когда еврею в поле жаль подбитого галчонка, / Ему лавчонка не нужна, зачем ему лавчонка?.. [5, с. 25].

И в поздних стихах В. Блаженный остается верен своим установкам и приоритетам:

Мне хочется стихами поделиться,
Как хлебом моей нищенской души,
Не с вами, а с живущей где-то птицей,
Живущей в неприветливой глуши.

Пушай она мою приемлет долю
И ищет свое хлебное зерно,
Скитаться и по небу и по полю
Ей, как и мне, да будет суждено...

И, может быть, Господь и мне поможет
Таинственного друга обрести,
И я накормлен птицей буду тоже,
Когда я буду голоден в пути... [5, с. 375]

Постоянное обращение к орнитологическим образам обусловлено важнейшими особенностями художественного мира Блаженного: пристрастием к вечным темам, структурой лирического пространства, автобиографическим мифом. При участии образов птичьего мира раскрываются темы Бога, смерти, творчества, призвания. Весь цикл жизни транслируется через орнитологические метафоры и сравнения, от детства, когда «мальчику птицы волшебные пели» [6, с. 258], до старости, где на старческой руке проступает «вселенной одичавший почерк, / Как птица полумертвая в силке» [5, с. 49]. И смерти, а также послесмертие воплощаются с помощью той же орнитологической образности:

...И тогда от меня отделилась какая-то часть естества
И почистила перышки, прежде чем с телом проститься,
А недужное тело металось в бреду, как листва,
И я понял, что ветку покинула певчая птица.

Это вовсе не страшно: душа все равно будет петь,
Все равно будет клювиком легким лазури касаться,
Только будет она называться синицею впредь
Или грустною иволгой будет она называться [5, с. 282].

Птицам «известны все тайны, все судьбы живых-неживых» [4, с. 111], они «послы Бога», «послушные дети Христовы» [4, с. 184], с ними можно разговаривать о Боге:

Едва ли найдется на свете та ласточка
И даже шегол на небесной дороге,
С которым бы я, перемолвившись ласково,
Не вспомнил о друге сердечном — о Боге [6, с. 244].

Таким образом, птицы — составляющая и такой важной темы поэзии В. Блаженного как «разговор о Боге и разговор с Богом» [10]. Не случайно Христос назван «птицелюбом» [5, с. 221], вожатым птичьих стай [6, с. 234], тем, кто понимает «птичий язык», а в контексте поэзии Блаженного поэзия и есть «птичий язык».

Мне недоступны ваши речи
На людных сборищах столиц.
Я изъяснялся, сумасшедший,
На языке зверей и птиц.

Я изъяснялся диким слогом,
Но лишь на этом языке
Я говорил однажды с Богом —
И припадал к его руке [5, с. 19].

Для самоидентификации поэта характерны ассоциации с различными птицами. Его лирический герой — бродяга, нищий, юродивый, изгой, тво-

рец — часто предстает в образе птицы, либо существа, осознающего свою близость птичьему племени, как аналогу вдохновения, чудотворства: «...я только птаха малая / Но в горлышке моем тоскует слово» [5, с. 77], «Отыскал я себя среди птиц неизвестных, / Но радушных и звонкоголосых пород» [5, с. 226], «И я все-таки птица, когда я гляжу в поднебесье / И когда забываю, как долго я жил на земле» [5, с. 347], «Не над гробом моим запоет иступленная птаха — / Иступленную птахой над гробом я сам запою!..» [5, с. 28].

С птицами и в целом с миром природы у В. Блаженного связано представление о правильном, живущем по естественным законам мире, который противопоставлен жестокой реальности людского сообщества. Выстраивается оппозиция «природа — человек» (где на стороне природы — сам лирический герой), развертывающаяся как противопоставление свободной личности и приземленных обывателей.

Во многих стихотворениях В. Блаженного продекларированы философско-образные параллели-антитезы «мир человека — мир природы»: щебет птиц и людские «пустопорожние речи», беззаветное доверие и пошлость, ложь, парение поэтического «я» и земная реальность. Лирический герой пребывает в экзистенциальном пограничье, будучи причастным одновременно земному и небесному мирам. Вынужденный жить среди людей, он в традициях высокого романтизма отвергает серую реальность обывателей, враждебную свободной крылатой душе поэта, который «из породы тех, кто сеял в землю небо» [5, с. 281] и жил «впритирку к облакам» [5, с. 281].

Одной из постоянных, повторяющихся тем в творчестве В. Блаженного является тема «мучения и гибели беззащитных и бессловесных существ» [9]. Трагедийное состояние мира, танатологические мотивы часто воплощаются и через орнитологическую образность:

Почему, когда птица лежит на пути моей мертвой,
Мне не жалкая птица, а мертвыми кажетесь вы,
Вы, сковавшие птицу сладчайшею в мире немотой,
Той немотой, что где-то на грани вселенской молвы?

Птица будет землей — вас отвергнет земля на рассвете,
Ибо только убийцы теряют на землю права,
И бессмертны лишь те, кто во всем неповинны, как дети,
Как чиж и стрижи, как бездомные эти слова [5, с. 27].

Поэт сочувствует животным, насекомым, птицам, как и «маленьким» людям, так как «всех объединяет дискомфортность бытия» [11], жизнь в мире страдания. «Его гуманизм можно назвать вселенской печалью беззащитных и увечных, о братьях меньших» [10], подверженных «кровавым мукам». Страдают все: «дети, взрослые, кошки, собаки, птицы (этим особенно тяжело — они беззащитны), бесконечно страдает в пространстве стиха сам поэт <...>, страдает Бог» [1]. Но только тем, кто был беззащитен и искретен на земле,

открыто небо. Так, например, мать лирического героя окружена ореолом святости и награждена бессмертием за свое беззаветное чувство любви, всепрощение и те муки, которые претерпела:

Ведь и птицы над мамой поют неспроста,
Ведь и птицы незримому молятся Богу,
И уже нас не двое, а трое — Христа
Дорогое обличье увидел я сбоку... [5, с. 179]

Птицам уподобляются и другие близкие люди лирического героя — отец и брат:

Вот сидим мы на веточке, словно воробышки,
Я, отец мой, и мать, и прекрасный Иосиф,
Мы клюем свое время, как малые зернышки, —
И напасти клюем мы, и лето, и осень... [5, с. 331]

Образ воробья присутствует здесь не случайно, это самый частотный и близкий лирическому герою орнитологический образ. Его роль в творчестве В. Блаженного настолько существенна, что требует освещения в рамках отдельной работы. Здесь же мы скажем только о некоторых моментах данной проблемы.

В. Блаженный, осваивая мифопоэтическую традицию, классическую интерпретацию образа воробья, придает ему и авторские характеристики. В его поэзии воробей, прежде всего, маленькая, незначительная птица, которая не зарится на чужие богатства, а довольствуется тем, что дал Господь. Он «не вор», а «душа» [5, с. 16].

Сборник В. Блаженного «Сораспятье» (1995), вышедший при его жизни и составленный самим автором, практически начинается (2 и 3-е стихотворения) произведениями, посвященными данной птице: «Клюю, клюю, воробушек, Господнее зерно...» и «Воробышек, воробышек, Мороз ударил дробью...». Здесь провозглашается единство лирического героя с образом данной птицы, так как их объединяют многие общие качества: бездомность, нищета, доверчивость, неприязнательность, маргинальность среди подобных, попытки приблизиться к Богу: «Скачу себе по боженьку, / Как вы — по маету» [5, с. 17].

Воробей в стихах В. Блаженного объединяет в себе различные черты, как и лирический герой. Он предстает и проказником, веселым скоморохом [5, с. 63], бродяжкой [5, с. 17], и посланцем Христа, который поет псалмы и беседует с Богом [5, с. 371]. Воробей — та птица, в которую воплотится душа лирического героя после смерти:

...Будут звери и птицы меня вспоминать неустанно
И моими глазами на вас удивленно смотреть,
И, быть может, по смерти воробушкой малым я стану,
Если вдруг посчастливится мне обмануть свою смерть [5, с. 72].

Но в отличие от мифологических и фольклорных трактовок, где воробей часто предстает как птица, не пользующаяся уважением и почетом, а воспринимается в качестве «негативной», «нечистой» птицы, а иногда и как символ дьявола, в поэзии В. Блаженного за данным образом закреплены только положительные семантические коннотации.

В целом орнитологические образы встраиваются в значимые для В. Блаженного оппозиции: «Бог-человек», «жизнь-смерть», «страдание-сострадание» и раскрываются в контексте всего творчества поэта. Они отличаются богатством и разнообразием, являются важной составляющей художественного мира. В семантике образов птиц нашли свое воплощение особенности мировоззрения, философские и эстетические взгляды поэта. Не наделенный социальной значимостью, герой В. Блаженного органично вписан в природный мир, родственен птицам, так как он — существо крылатое и «певчее», то есть творческая личность. В целом же миры людей и животных не сосуществуют в гармонии, но сблизить их, смягчить трагические противоречия, открыть сердца людей навстречу другим живым существам, собратьям по Господнему миру, проявить доброту и милосердие — один из важных посылов поэзии Вениамина Блаженного.

Библиографические ссылки

1. Анкудинов К. Стезей избытка // Новый мир. 2003. № 1. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2003/1/stezej-izbytk.html
2. Блаженный В. Верлибры. Минск: Новые мехи, 2011. 71 с.
3. Блаженный В. Моими очами: Стихи последних лет / сост. Д. Кузьмин. М.: АРГО-РИСК; Тверь: KOLONNA Publications, 2005. 64 с.
4. Блаженный В. Скитальцы духа. Стихи. Минск: Четыре четверти, 2000. 228 с.
5. Блаженный В. Сораспятье. М: Время, 2009. 416 с.
6. Блаженный В. Стихи из тетрадей. Минск: Новые мехи, 2021.
7. Блаженный В. Стихотворения. 1943–1997. М., 1998.
8. Верина У. «Я часто забываю, кто я, ребенок или старик...»: метафоры возраста в поэзии Вениамина Блаженного // *Conversatoria Litteraria*. 2017. Vol. 11, issue XI. P. 243–255. URL: <http://cejsh.icm.edu.pl/cejsh/element/bwmeta1.element.ojs-issn-1897-1423-year-2017-volume-11-issue-XI-article-1568>
9. Дашевский Г. «Не зовите стихами мои иступленные строчки» // «Коммерсантъ Weekend». 27.03.2009. № 11. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1142098>
10. Котова Н. А. Современная духовная поэзия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. URL: https://static.freereferats.ru/_avtoreferats/01004146641.pdf
11. Купчик Е. В. Птицы в поэзии Булата Окуджавы, Владимира Высоцкого и Александра Галича. URL: <http://vysotskiy-lit.ru/vysotskiy/kritika/kupchik-pticy-v-poezii-okudzhavy-vysockogo-galicha.htm>
12. Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 1. С. 389–406. URL: <http://philologos.narod.ru/myth/birds.htm>